

JAMES ISLINGTON

THE SHADOW OF WHAT WAS LOST

The Licanus Trilogy: Book One

ДЖЕЙМС АЙЛИНГТОН

ТЕНЬ УШЕДШЕГО

Трилогия Ликаниуса: книга первая

*Перевод с английского:
Галина Соловьева*

Москва
Издательство АСТ

УДК 821. (94)
ББК 84(8Авс)
А37

Серия «Шедевры фэнтези»
James Islington
THE SHADOW OF WHAT WAS LOST

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates, Cullen Stanley International Agency,
Inc. и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Перевод с английского: *Галина Соловьева*
Дизайн обложки *Юлии Межовой*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Михаила Емельянова

Подписано в печать 10.12.2018.
Формат 84 × 108 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 47,04.
Печать офсетная. Бумага типографская.
Гарнитура Mysl
Тираж экз. Заказ № .
Изготовлено в 2019 г.

Произведено в Российской Федерации
Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008)
58.11.1 — книги, брошюры печатные
ТР ТС 007/2011

© 2015 by James Islington
© Галина Соловьева, перевод, 2018
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Соне

*Без твоего энтузиазма, любви и поддержки
я бы не справился*

ПРОЛОГ

Молния.
Воды Эрис Мморга на миг осветились, бурля и кипя, будто в сумрачное сердце озера вошел огромный нож. Темная волна разбилась о едва видимый выступ черных утесов, зашипела, выплюнула брызги на сто футов вверх и опала. Мир, моргнув, погас, но волны стали только выше. Еще одна взревела, зашипела, вздохнула яростнее раздавшегося следом громового раската. Еще одна.

Тал бесстрастно смотрел на них с утеса, куда не доставали брызги. Только плащ его метался — вздувался и хлопал за спиной под порывами ветра. Старые глаза, не мигая, взирали с юношеского лица, устремляясь в ночь, туда, где — он знал — разверзалась пасть Эрис Мморга. Еще одна вспышка высветила овал зазубренных скал: волны жадно лизали их, зарясь поглотить каждого, кто подошел бы слишком близко.

За ним лежала плоская скальная площадка пика Тааг. Ничто живое не росло на ней, даже та жесткая ядовитая трава, что выживает в любой пустыне. Вечные ветра выгладили обсидиановую поверхность; в

двадцати футах за Талом она обрывалась пропастью, такой же крутой, как обрыв, с которого он смотрел сейчас. Немногие могли добраться до пика Тааг, и у немногих возникало такое желание.

На севере, на горизонте за озером, тусклое красноватое свечение вдруг разбило тьму. Взгляд Тала на миг прояснился, метнулся к свету. Маяк словно бы померк и тут же расцвел ярким рыжим пламенем, послал пронзительный луч через пустыню, обжег Талу лоб. Тот ахнул, зажмурился было, но тут же взял себя в руки.

Давно ли он вглядывается в эти глубины? Слишком давно: его побег обнаружен, поднялась тревога. Холодная острая боль когтила ему грудь: полузабытое чувство — страх.

— Держись, — прошептал он себе, снова устремляя взгляд на гневные волны. — Держись.

Цель была почти достигнута, хоть он и отвлекся на миг.

— Ты бежишь, Тал'камар. Я предостерегал тебя от бегства, — зарокотало вокруг скорее присутствием, нежели голосом.

У Тала свело живот, он обернулся, ища преследователя взглядом.

— Я знаю правду, — тихо ответил он. Он уже разглядел на дальнем краю площадки ползущую к нему тень, что была темнее остальных. Существо, присутствующее здесь лишь отчасти. Его хозяин.

Существо захихикало, и тошно было слышать этот звук.

— Ты уже не знаешь, что есть правда. Он был человеком, Тал'камар. Он лгал, ты сам так сказал. Ты насадил его голову на пику. Ты выставил ее напоказ перед

Дверью Иладриель в напоминание всем видящим. Раз-
ве ты забыл?

Тень задержалась, следя за Талом, выжидая.

Тал медлил, вглядываясь во мрак.

— Да,— хрипло зашептал он. Присутствие хозяина подавляло, сейчас ему хотелось одного — простереться ниц перед повелителем, молить о прощении.

Слабость духа.

Он продолжал, с каждым словом обретая уверенность.

— Да,— медленно повторил он.— Но меня ввели в заблуждение. Я шел по проложенному пути. Я нашел доказательство.— Он помолчал, голос его окреп.— Я побывал в Рес Карте. Я спрашивал литов.— И еще уверенней: — Я ходил в Колодцы Мор Арвила и говорил с хранителем. Я отыскал на перекрестке дорог Нетгаллу и вымучил из нее все, что она знала.— Он уже кричал, высвобождая копившийся много лет гнев, и мощный рев разносился эхом по всему Талан Голу и за его пределы.— Я пробрался в глубины под горами, под скалами Илин Тор. Я нашел зеркала. Я заглянул в них и увидел одно! — Он задохнулся, лицо его исказилось в диком торжестве.— Одну правду превыше всех других!

Тень подползла ближе, стала угрожающей, из голоса ее пропал звон.

— Что же ты нашел, Тал'камар? — насмешливо прошипела она.

Тал глубоко вдохнул.

— Ты — лжец,— это было сказано спокойно, без страха перед наступающей темнотой.— Полный, законченный лжец.

Он отвернулся, указывая вниз, на волны. Прямо над ними, быстро расширяясь, засветился ярко-голубой круг. Когда Тал развернулся обратно, тень бросилась ему в лицо, затмила взгляд, наполнила воздух зловонным дыханием. И рассмеялась гнусным издевательским смехом.

— Отсюда тебе некуда бежать, — прорычала она. — От меня не убежишь!

Впервые за многие годы Тал улыбнулся.

— Ошибаешься. На сей раз я уйду туда, куда Ааркайн Девэд за мной не последует, — тихо проговорил он.

И шагнул назад, за край. Он упал.

Тень метнулась вперед, провожая уходящего во врата, недостижимого уже Тала. Вращающееся кольцо голубого огня полыхнуло белым и погасло, не оставив и следа, словно ничего не было.

Тварь уставилась туда: в притихшие, будто присмирившие волны.

И вдруг поняла.

— Воды Обновления, — прошипела она.

И ее вопль наполнил мир.

ГЛАВА 1

Клинок медленно прочертил на его щеке огненную полосу. Он захлебнулся криком, хотел отдернуться, но не пускала зажимавшая ему рот ладонь. Сталь загородила свет, серая грязная сталь. Теплая кровь ручейком стекала по левой щеке на шею, под рубаху.

Остальное разлетелось осколками.

Смех. Горячая винная вонь в дыхании мучителей.

Боль слабеет, крики — не его крики.

Голоса — пронзительные от страха, молящие.

И молчание. Темнота.

Давьян распахнул глаза. Посидел, слушая, как колотится сердце, глубоко дыша, чтобы успокоиться. Потом отодвинулся от стола, за которым задремал, растер лицо, рассеянно ощупал выпуклый шрам, протянувшийся от уголка левого глаза до подбородка. Шрам давно зажил, стал бледно-розовым, но иногда ныл, когда давние воспоминания грозили всплыть на поверхность.

Он встал, потянулся, разминая онемевшие мускулы и, скривившись, выглянул в окно. Из его комнатухи

в Северной башне открывалась почти вся школа, и во всех окнах под ним было темно. Факелы во дворе метались и плевались, догорая.

Стало быть, минул еще один вечер. Время утекало куда быстрее, чем ему бы хотелось.

Давьян вздохнул, поправил светильник и принялся перебирать великое множество книг, разбросанных на столе. Он, конечно, прочел все, многие по несколько раз. И ни в одной не нашел ответов; но он все-таки вернулся на место, наугад выбрал том и устало принялся листать.

Немного погода тяжелую ночную тишину прорезал отрывистый стук в дверь.

Давьян съежился, потом смахнул с глаз завиток черных волос и, подойдя к двери, приоткрыл щелочку.

— Вирр? — удивился он, шире раскрывая дверь перед плечистым светловолосым другом. — Ты что здесь делаешь?

Вирр не спешил входить. Его улыбочивое лицо было сейчас встревоженным, и у Давьяна, угадавшего, с чем пришел его приятель, ком встал в горле.

Вирр, увидев, как изменилось лицо друга, горестно кивнул.

— Нашли его, Дав. Он внизу. Нас ждут.

Давьян сглотнул.

— Они хотят сразу это сделать?

Вирр только кивнул.

Давьян помедлил, но тянуть не было смысла. Глубоко вздохнув, он погасил светильник и следом за Вирром потащился вниз по винтовой лестнице.

Когда подростки вышли из башни и направились через смутно освещенный двор, холодный воздух заста-

вил его вздрогнуть. Школа занимала громадный замок даресийской эпохи, хотя его первоначальное величие за две тысячи лет отчасти потерялось между пестрыми пристройками и заплатами. Давьян прожил в замке всю жизнь и знал здесь каждую пядь, от комнат прислуги рядом с кухней до приземистого бастиона, занятого старшими, и стертых ступеней четырех шестиугольных башен, устремлявшихся к небу.

Сегодня знакомые места не утешали его. Высокая наружная стена зловеще маячила над головами.

— Ты знаешь, как он попался? — спросил Давьян.

— Разводил костер с помощью сути. — Вирр покачал головой, почти незаметно, потому что факелы на стене догорали. — Может, всего-то струйку использовал, но блюстителю со щупом оказался на дороге совсем рядом. Вышли старшие, и вот... — Вирр пожал плечами. — Пару часов назад его передали Талену, а Тален решил не затягивать дольше необходимого. Так лучше для всех.

— Смотреть от этого легче не будет, — буркнул Давьян.

Вирр придержал шаг, оглянувшись на друга.

— Аша ведь предлагала тебя заменить. Еще не поздно согласиться, — негромко напомнил он. — Знаю, очередь твоя, но... скажем прямо. Блюстители принуждают учеников на это смотреть, чтобы напомнить, что такое может случиться с каждым. А тебе, всякий скажет, это сейчас ни к чему. Никто не стал бы тебя винить.

— Нет, — решительно покачал головой Давьян. — Я выдержу. К тому же Лихим ее одногодок, Аша его знает лучше нас. Не надо ей этого видеть.

— А кому из нас надо? — пробормотал Вирр, однако согласно кивнул и зашагал дальше.

Они вошли в западное крыло замка и добрались наконец до кабинета блюстителя Талена; дверь его уже была открыта, свет лампы лился в коридор. Давьян опасливо постучал по косяку, заглянул внутрь, и мрачный учитель Олин поманил их войти.

— Закройте дверь, мальчики, — сказал седой мужчина, ради них вымучив ободряющую улыбку. — Все уже здесь.

Пока Вирр затворял дверь, Давьян обвел взглядом собравшихся в тесном помещении. Здесь была старшая Сеандра, утонувшая в угловом кресле: самая молодая из школьных учителей, она всегда была весела и улыбачива, но сейчас выглядела усталой, чужой.

Присутствовал, разумеется, и блюститель Тален, плотно стянувший на плечах голубой плащ, — как видно, мерз. Он молча кивнул мальчикам, вид у него был мрачный. Давьян кивнул в ответ — за три года он так и не привык и все еще удивлялся, что блюститель не наслаждается происходящим. Нелегко было удержать в памяти, что Тален, в отличие от своих соратников по всей Андарре, не питает ненависти к одаренным.

И, наконец, посреди комнаты, привязанный к стулу, сидел Лихим.

Пятнадцатилетний паренек был всего годом моложе Давьяна, но сейчас, связанный и беззащитный, выглядел совсем ребенком. Темно-каштановые волосы падали ему на глаза, он повесил голову и не шевелился. Давьян поначалу решил, что пленник без сознания.

Потом он заметил руки Лихима. Даже крепко связанные за спиной, они дрожали.

Когда дверь щелкнула, закрывшись, Тален вздохнул.

— Так, кажется, все готовы,— тихо проговорил он и переглянулся со старшим Олином, а потом шагнул к Лихиму и встал так, чтобы мальчик мог его видеть.

Все молча сосредоточились на пленнике: тот теперь смотрел на Талена и, как ни старался, не мог скрыть страха.

Блюститель глубоко вздохнул.

— Лихим Претар, три ночи назад ты покинул школу без оковы и не связанный четвертой догмой. Ты нарушил договор,— он говорил сухо, но в тоне было и сочувствие.— За это, в присутствии этих свидетелей, ты должен быть по закону лишен способности использовать суть. С этой ночи ты не будешь принят среди одаренных Андарры, ни здесь, ни в ином месте, без особого дозволения одного из Толов. Ты понял?

Лихим кивнул, и на долю секунды Давьяну подумалось, что все обойдется легче обычного.

Но тут Лихим заговорил, как рано или поздно заговаривал каждый, оказавшийся на его месте.

— Прошу,— сказал он, обводя комнату молящим взглядом.— Прошу, не надо. Не делайте меня тенью. Я ошибся. Это не повторится.

Старший Олин грустно взглянул на него, подходя с маленьким черным диском в руках.

— Поздно, мальчик.

Лихим мгновение смотрел на него непонимающими глазами, потом замотал головой.

— Нет! Подождите! Ну подождите! — По щекам его текли слезы, он беспомощно дергался, натягивая веревки. Давьян отвел взгляд, услышав проситель-

